ИДЕИ И ПРАКТИКИ: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

Г.Л. Кертман*

СТАТУС ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ[1]

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности и алгоритмы восприятия публичной политики, характерные для российской политической культуры. Раскрываются ценностные основания дистанцирования «среднего россиянина» от политики и его некомпетентность в вопросах институционального дизайна государства и политической системы. На основе анализа интерпретационных схем, циркулирующих в массовом сознании, оцениваются перспективы формирования в России массового «зрителя» – пристрастного наблюдателя, необходимого для конституирования политического поля.

Ключевые слова: политическое поле; политическая культура; массовое сознание; патернализм; властный моносубъект; ценностно-детерминированная некомпетентность.

* **Кертман Григорий Львович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: kertman@list.ru

Kertman Grigory, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: kertman@list.ru

[1] Работа подготовлена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

G. L. Kertman

Status of politics in Russian mass consciousness

Abstract. The article analyzes some features and algorithms of public politics' perception, characteristic for Russian political culture. It reveals the value basis of the «average Russian's» distancing from politics and his incompetence in matters of state's and political system's institutional design. The interpretative schemes circulating in mass consciousness are analyzed, on this basis the prospects for the formation of a mass «spectator» – an interested observer, necessary for the constitution of a political field – are assessed.

Keywords: political field; political culture; mass consciousness; paternalism; mono-subject of power; value-determined incompetence.

Политическое поле и массовый зритель

Конституирование политического поля как арены, публичного пространства диалога и институционализированного конфликта политических акторов требует определенных социокультурных предпосылок. Такое поле предполагает, прежде всего, наличие массового «зрителя», более или менее заинтересованно наблюдающего – хотя бы время от времени – за происходящим, более или менее понимающего «правила игры» и признающего их справедливыми (пусть и с определенными оговорками) и вместе с тем интериоризировавшего принцип народного суверенитета, т.е. ощущающего себя коллективным «суперарбитром», высшей инстанцией, на которую должны ориентироваться и к которой вынуждены хотя бы изредка апеллировать акторы – как минимум во время выборов. Без подобного «зрителя», легитимирующего и, в известной мере, контролирующего политическое поле, институциональный дизайн публичной политики обречен оставаться по преимуществу имитационным обрамлением самодостаточной и закрытой «зоны власти».

Проблема, однако, в том, что базовые презумпции российской политической культуры препятствуют формированию заинтересованного и компетентного наблюдателя политической игры. Причем дело, подчеркнем, не столько в дефиците когнитивных ресурсов у потребителей «политической» информации, сколько в особенностях ее восприятия, обусловленных властецентричностью и патерналистскими основаниями отечественной политической культуры.

Было бы большим преувеличением и упрощением утверждать, что российские граждане не интересуются «политикой». В ходе ряда массовых опросов ФОМ декларативный уровень интереса к ней (т.е. доля респондентов, заявляющих, что интересуются политикой) на протяжении 2001–2016 гг. варьирует, как правило, в диапазоне от 36 до 48%[1], что, безусловно, не так уж и мало. Причем последний замер, в мае 2016 г., дал как раз наивысший результат – 48%. При этом 26% опрошенных, по их словам, часто обсуждают с окружающими «события российской политической жизни», и еще 42% делают это изредка (никогда не обсуждают – 31%).

Однако этот интерес практически не распространяется на публичную политику, на конкуренцию проектов и представляющих их политических акторов, на идеологические и прагматические альтернативы, т.е. на то, что составляет суть политического процесса. Респондентов спросили: «Какие события российской политической жизни Вы в последнее время больше всего обсуждаете?» Отвечая на этот открытый вопрос, 14% респондентов – больше всего – упомянули события в Сирии, 11% – на Украине и вокруг Украины (хотя в вопросе недвусмысленно сказано – «события российской политической жизни»). Но и те, кто фокусируются на внутрироссийской проблематике, тоже, как выясняется, обсуждают по преимуществу экономические и социальные реалии, новости, но никак не вопросы политические: рост цен («про цены, квартплату», «цены растут, все дорожает» и т.д.) – 9%, социальные проблемы («образование и медицина», «вокруг зарплат идет тема») – 4, экономическую ситуацию – 2%. Некоторые, правда, обсуждали прошедшую незадолго до этого «Прямую линию» с В. Путиным (4%), а также вообще говорили о президенте и его деятельности (3%). Но и интерес к деятельности власти, как правило, ни в коей мере не распространяется на ее планы, стратегии, обоснования тех или иных действий, аргументацию и т.д. – он фокусируется почти исключительно на результатах. То есть наши «зрители» предпочитают смотреть не столько на поле, сколько на «табло», причем едва ли не единственным актором, который всерьез привлекает их внимание, является власть. Отметим, что пред-

[1] См.: Интерес к политике: Мониторинг / ФОМ. – Режим доступа: http://fom.ru/Politika/12680 (Дата посещения 15.02.2018.) Лишь один раз, в декабре 2010 г., этот показатель упал до 30%.

стоявшие через несколько месяцев выборы в Думу упомянули в данном контексте, отвечая на вопрос о «событиях российской политической жизни», 2% опрошенных.

Впрочем, к характерной для «человека с улицы» оптике восприятия политических акторов, не принадлежащих непосредственно к властной вертикали и «партии власти», мы вернемся немного позже. Что же касается фокусировки на результатах деятельности (и, добавим, на обещаниях) самой власти при почти тотальном игнорировании любой «сопутствующей» информации, касающейся путей достижения этих результатов, выбора стратегии, арсенала применяемых средств и т.д., то эта особенность российского массового сознания напрямую связана с патерналистскими устоями политической культуры. В рамках «идеального», дистиллированного патерналистского дискурса «истинная» власть представляется потенциально всемогущей, всеведущей и несущей всю полноту ответственности за благополучие «подведомственного» народонаселения. И именно поэтому любое инициированное властями того или иного уровня «обсуждение» средств, способов решения каких-либо проблем с рядовыми гражданами встречается многими негативно либо, по крайней мере, настороженно – как попытка разделить ответственность с подопечными или, того хуже, найти оправдание своей неспособности или нежелания решить их проблемы. Иначе говоря – как симптом определенной дисфункции власти. «Идеальный» же диалог власти и народа – опять-таки в рамках патерналистского дискурса – касается исключительно целей (но не средств), задач (но не путей их решения) и протекает в режиме обмена сигналами, просьбами и «наказами», с одной стороны, и действиями, а также обещаниями – с другой.

Оговоримся: обосновывать подобные утверждения данными массовых опросов в принципе крайне затруднительно[1], однако в материалах практически любых групповых дискуссий по политической проблематике можно обнаружить примеры, свидетельствующие о бытовании в массовом сознании соответствующих установок и интерпретационных схем. Здесь и далее мы будем ссылаться на материалы одной, выбранной практически наугад,

[1] Это потребовало бы вербализации не отрефлексированных, как правило, установок массового сознания, которые граждане едва ли смогли бы затем «опознать» в формате и режиме формализованного интервью.

серии дискуссионных фокус-групп (ДФГ), проведенных ФОМ в июне 2016 г. в городах и селах Саратовской области. Итак, говорит пенсионерка, сельская жительница:

«Конечно же, вот, понимаете, все то, что сейчас происходит, можно объяснить объективными, субъективными причинами – как угодно… Но и в то же время я считаю, что никогда власти нельзя говорить о том, что для того, чтобы решить какую-то проблему, существуют те то, те то, те то предпосылки там или загвоздки какие-то. Для власти этих загвоздок не должно существовать! Почему? Потому что она поставлена для того, чтобы решать вот эти самые проблемы».

На практике такая установка, помимо прочего, ведет к тому, что «человек с улицы» склонен фильтровать политическую информацию: слышать и запоминать, прежде всего, то, что характеризует тематические приоритеты власти (какие проблемы она выделяет в качестве наиболее актуальных, острых, значимых и т.д. и, соответственно, собирается решать в первоочередном порядке), и «пропускать мимо ушей», забывать то, что, сообразно патерналистской логике, не является адекватным контентом коммуникации с населением и относится к «функционалу» самой власти – предпосылки, средства, методы, алгоритмы решения этих проблем. Но такой «фильтр» блокирует и восприятие идеологических, мировоззренческих установок, которые так или иначе проявляются именно в алгоритмах решения, в том, что конкретно намерены предпринять власти (равно как и любые иные политические акторы). Поэтому российское массовое сознание очень слабо реагирует на идеологические импульсы.

«Идеологическая глухота» и компетентность

Эта «идеологическая глухота» большинства (видимо, подавляющего большинства) российских граждан проявляется, в частности, в том, что многочисленные попытки исследователей сегментировать россиян по идейно-политическим ориентациям редко оказываются хотя бы в какой-то мере успешными[1].

[1] Речь не идет, разумеется, о прямолинейных классификациях, основанных на самоопределениях (когда от респондентов требуется самоидентификация в

В качестве иллюстрации можно упомянуть один из методических экспериментов ФОМ (2017). На карточке, предложенной респондентам, были перечислены 15 гипотетических целей, задач государственной политики; требовалось выбрать не более трех наиболее значимых, приоритетных, по мнению участников опроса, задач. Поскольку, однако, последние были сформулированы в разных ценностно-идеологических парадигмах, предполагалось, что дифференциация ответов позволит классифицировать респондентов в соответствии с этими парадигмами. Помимо прочего, среди предложенных альтернатив значились «защита политических свобод, прав человека» и «защита традиционных ценностей», а также «поддержка отечественного производителя, импортозамещение» и «улучшение предпринимательского климата, условий развития бизнеса». Исходная гипотеза предполагала отрицательные корреляции применительно к каждой из этих пар «наказов», поскольку в идеологической плоскости либеральный, «западнический» концепт защиты политических свобод и прав человека, разумеется, альтернативен консервативному, «почвенническому» концепту защиты традиционных ценностей, равно как и либеральная, «рыночная» установка на улучшение предпринимательского климата альтернативна традиционалистской, консервативной установке на протекционизм в отношении отечественного производителя. Однако фактически между этими альтернативными (для «политического класса», экспертов и т.д.) суждениями в массовом опросе обнаружились сильные положительные корреляции: выбирающие защиту свобод и прав человека охотнее других респондентов высказывались также и в пользу традиционных ценностей, а сторонники улучшения предпринимательского климата – в пользу защиты отечественного производителя. Такой парадоксальный, на первый взгляд, результат обусловлен, несомненно, именно тем, что респонденты скорее обнаруживают в этих парах позиций «общие знаменатели», связанные с тематическими приоритетами (в одном случае внимание уделено развитию экономики, в другом – «правилам общежития», защите «нематериальных» интересов граждан), нежели дискурсивные, идеологические различия.

таких категориях как «социалист», «либерал», «консерватор» и т.д.) – они всегда «результативны», но малосодержательны, поскольку эти понятия интерпретируются гражданами очень разнообразно и «вольно».

Подобная «идеологическая глухота» проявляется и в органичной для патерналистского сознания неспособности дифференцировать идеологические месседжи, адресуемые ему различными политическими акторами. В ходе любых предвыборных (и не только предвыборных) исследований значительная часть респондентов неизменно сетует на то, что «все кандидаты говорят (или обещают) одно и то же», имея в виду фактически сходство тематических повесток и не замечая содержательных различий в позициях. Очевидно, что эта особенность восприятия политической информации российским массовым сознанием не способствует, мягко говоря, формированию компетентного «зрителя», необходимого, как уже сказано, для конституирования политического поля.

«Идеологическая глухота» гармонично дополняется у «человека с улицы» вопиющей некомпетентностью в вопросах устройства власти, избирательного законодательства и т.д. Такая некомпетентность критически необходима для самосохранения и воспроизводства патерналистских устоев отечественной политической культуры, поскольку освоение и усвоение информации о структурной упорядоченности власти, известной автономии ее ветвей и уровней, о горизонтальном и вертикальном разграничении полномочий, о нормативном (пусть и не вполне различимом в реальной жизнедеятельности государственных институтов) разделении властей, о законодательных рамках функционирования политической системы и т.д. с неизбежностью ставит под сомнение имманентные этой культуре представления о монолитности, всеведении и потенциальном всемогуществе власти, а следовательно – ведет к ее десакрализации. Освоение такой информации открывает перспективу преодоления социального инфантилизма, отказа от комфортного, хотя и не лишенного лукавства, позиционирования рядового гражданина в качестве «маленького человека», от которого на макросоциальном уровне ничего не зависит и в принципе зависеть не может, к признанию гражданской ответственности, т.е. перспективу кардинального переформатирования традиционалистской политической культуры. Поэтому «инстинкт самосохранения» этой культуры мобилизует на защиту некомпетентности все ее ценностные установки и когнитивные механизмы. Информация о «правилах игры» не просто плохо усваивается, игнорируется, «забывается», но и нередко активно отторгается, поскольку сами эти правила, правовые нормы, характеризующие институциональ-

ный дизайн государства, во многом воспринимаются как контрпродуктивные ограничения, препятствующие реализации истинного предназначения властного моносубъекта, или даже как совокупность уловок, основное предназначение которых состоит в том, чтобы оправдать его уклонение от исполнения своих «отеческих» функций. Патерналистское сознание в принципе не может быть правовым.

Политики – «совладельцы» власти

Одним из важнейших следствий этой ценностно детерминированной некомпетентности является склонность российских граждан воспринимать всех политических акторов, сколько-нибудь продолжительное время пребывающих в публичном пространстве, включая представителей как «системной», так и «несистемной» оппозиции, не как конкурентов (и уж тем более – не как носителей альтернативных проектов), а, по сути, как представителей или «совладельцев» власти, несущих ответственность за положение дел в стране уже в силу своего пребывания в «политике» и практически независимо от того, располагают ли они в действительности хоть какими-то властными ресурсами. Показателен в этом смысле следующий диалог участников фокус-группы, спровоцированный репликой о том, что некоторые возлагают ответственность за рост цен на «Единую Россию»:

«Респ. 1: Всё на них возлагают, а почему не возложить и на коммунистов, почему?

Респ. 2: Они же тоже…

Респ. 1: Они тоже в Госдуме сидят. Почему?

Респ. 2: И ЛДПР тоже.

Респ. 1: Те же ЛДПР, те же "Зелёные". А "Зелёные" эти вообще, как говорится, до такой степени уже народ замордовали своими этими…

Респ. 2: Страна горит, а они…

Респ. 1: Страна не горит, а погрязла в мусоре вся. Вся страна погрязла в мусоре, а зато "Зелёные" цветут и пахнут.

Респ. 3: …На самом деле, почему все на "Единую Россию"? Если наш Президент от этой партии, то это не означает, что вся ответственность именно на этой партии. На самом деле, у

нас их <партий> *вон сколько, половины даже не знаю, впервые читаю здесь, например, "Гражданская сила" – понятия не имею, кто это. А зачем их столько, вообще? Просто лишняя трата денег, на мой взгляд».*

Обратим внимание: сначала участники беседы предлагают распространить ответственность на партии, располагающие хотя бы номинальными властными ресурсами. Причем основанием для этого оказываются не позиции упомянутых партий или их политическое поведение (допустим, голосование за бюджет, поддержка тех или иных законопроектов), а сам факт «сидения» в Думе, т.е. пребывания во властном пространстве. А далее они еще более темпераментно возлагают ответственность (уже не за цены, а за экологическую ситуацию, но это в данном контексте совершенно неважно) на партию, вообще не располагающую властными ресурсами и пребывающую не во властном, а в «политическом» пространстве. После чего на групповой дискуссии не может не последовать – если модератор не сменит тему – рутинная ламентация по поводу того, сколь расточительна «избыточная» многопартийность: лидеры партий и иные публичные политики представляются «человеку с улицы» кем-то вроде госслужащих, подвизающихся в «политическом департаменте» властного моносубъекта[1]. И хотя он, как правило, не подвергает сомнению необходимость в существовании такого «департамента», но нередко сокрушается, подозревая, что его «бюджет» непомерно раздут.

Но главное здесь с точки зрения рассматриваемой темы – это именно склонность фактически отождествлять присутствие в «политике» с пребыванием во власти и, соответственно, совершенно не учитывать при оценке обитателей «политического» пространства (или по крайней мере – его старожилов) властный потенциал последних. Может быть, наиболее показателен в этом плане «казус Явлинского». В каких бы качественных исследованиях ни заходи-

[1] Это представление, разумеется, не отрефлексировано, но распространено достаточно широко, что проявляется в таких, например, репликах: *«Я видел этого Жириновского, извините, в Балакове. Он проезжал там, кидал майки из вагона, матом орал.* ***Я не знаю, как его там держат****»* (выделено мной. – *Г. К.*). Что, собственно, означает последняя фраза? Кто и, главное, где «держит» В. Жириновского? Скорее всего, респондент, произнесший эти слова (пожилой рабочий с высшим образованием) затруднился бы пояснить их, но очевидно, что он не склонен, скажем так, признавать за лидером ЛДПР политическую субъектность.

ла речь об основателе «Яблока», многие информанты непременно характеризуют его как обанкротившегося политика. При этом главное свидетельство банкротства Г. Явлинского видят не в его (и его партии) электоральных неудачах, которые в этом контексте практически не упоминаются, а в «провале» программы «500 дней». Разумеется, ни о сути этой программы, ни об обстоятельствах ее появления и отклонения подавляющее большинство не знают или не помнят, но само возникновение и, главное, устойчивое, на протяжении десятилетий, воспроизводство интерпретационной схемы, согласно которой автор программы, еще даже не ставший на тот момент публичным политиком и не обладавший политическим весом, повинен в том, что она не была принята к реализации, чрезвычайно характерны для доминирующей модели восприятия «политики»[1].

Эта модель, как уже сказано, обусловлена властецентричностью российской политической культуры: поскольку интерес «среднего россиянина» к «политике» де-факто сосредоточен на результатах деятельности власти, он в той или иной мере распространяет адресованные ей ожидания, надежды, претензии и на тех политических акторов, которые пребывают в оппозиции. Что заведомо ставит последних в невыгодное положение.

Слово и дело

Снова обратимся к материалам групповых дискуссий. Довольно типичный диалог:

«Респ. 1: Я за "Единую Россию".

Модератор: Почему?

Респ. 1: Потому что это единственная партия, которая что-то стоит.

Модератор: А вот это "стоит" – расшифруйте, пожалуйста.

Респ. 1: Потому что они делают, дело делают. А остальные – только словоблудие, больше ничего».

Другой сторонник партии власти (на другой ДФГ), заявляя об устойчивости своих политических симпатий, уточняет:

[1] Кстати, живучесть этой интерпретационной схемы – одна из значимых причин электоральных неудач «Яблока» и его основателя.

«…если бы они <другие партии> *себя где-то что-то проявили, сделали для людей что-то хорошее – может быть, что-то и изменилось бы. А кроме болтовни по центральному телевидению мы про эти партии вообще ничего не знаем».*

Противопоставляя дела, действия партии власти «словоблудию», «болтовне» ее оппонентов, эти респонденты (агроном и учитель), по существу, упрекают последних за то, что они не осуществляют властные функции, которых у них «по определению» нет. Приведем обширное высказывание еще одного учителя:

«Ну, я голосую за себя: я с начала 90-х годов – "Единство и Отечество", потом – "Единая Россия", я в эту партию сразу же пошел. Хотя я коммунист бывший, и очень активный член, и политически я – осознанно. Почему? Потому что партия власти – это власть. Если мы будем раздергиваться по всем партиям… ну, Жириновский очень много говорит, другой, третий, все очень много говорят. Я политически очень много слушаю, вижу по телевизору. Вы знаете, все это разговоры. А вот чтобы отвечать – нужно кому-то просто отвечать. Если знаешь – отвечай. Пока партия отвечает, за все свои дела отвечает. Поэтому я осознанно голосую за них».

Несмотря на некоторое косноязычие монолога «очень активного члена» всех сменявших друг друга партий власти и ненасытного потребителя политической информации, его смысл, в общем и целом, довольно ясен: в пространстве политики власть, представленная своей партией, олицетворяет **дело**, а иные партии – **слово** (точнее – многословие), и эта бинарная оппозиция предписывает гражданину перманентно поддерживать партию власти.

Причем «дело» этой партии ассоциируется обычно не с выработкой политического курса, принятием тех или иных решений, законодательной деятельностью и т.д., а с непосредственным участием в решении повседневных социальных проблем на региональном и локальном уровне – в частности, при посредстве «партийных проектов»:

«Все проекты, которые по "Единой России", – на территории они существуют, они действуют: это и дворы, это и проекты – вот бассейн построен, – это переселение из ветхого жилья. То есть которые проекты вот федеральные – то во всех <случаях> *они под эгидой партии».*

«Оснащение больниц… я четко знаю, что в одном из центров (похоже, он федерального подчинения), им "Единая Россия" поставила оборудование. И хорошее оборудование, качественное оборудование, современное совершенно, диагностическое. Знаю, что это был подарок "Единой России"».

Разумеется, граждане нередко замечают двусмысленность ситуации, при которой партия власти имеет возможность записывать на свой счет дела, проекты, к реализации которых привлекаются бюджетные средства и властные ресурсы.

«Респ. 1: Маленькая ремарочка, извиняюсь. Несколько лет назад… стоял ужасный садик… Это садик, который за счет муниципалитета и частных инвесторов был отреставрирован за 40 миллионов, что ли. Короче, сделали хороший садик, картинку. Через некоторое время, чуть ли не сразу, появляется табличка рядом с садиком – отреставрировано при содействии партии "Единая Россия". Каким…

Респ. 2: И люди ходят и, наверное, думают: О, "Единая Россия" … Каким это местом?

Респ. 1: В больничном городке у нас там было какое-то оборудование добавлено. И опять же был плакат – "Единая Россия". Все, наверное, видели, нет?»

Но даже понимание такой двойственности не ведет к смене критериев и разделению партии власти и властных структур как объектов оценки. Показательна беседа в другом населенном пункте, где речь тоже идет о детском садике:

«Респ. 1: Делает район, допустим, дорогу…

Респ. 2: Просто мы знаем, что это – "Единая Россия".

Респ. 1: Вот, я говорю, садик делал тоже район, но под руководством «Единой России». Вот они садик сделали – значит это кто сделал, "Единая Россия" или район сделал?

Модератор: Не знаю, от вас хочу услышать.

Респ. 1: Вот как я могу тут разделить "Единую Россию" и это?

Респ. 3: И власть районную.

Респ. 1: Когда это одно и то же!

Модератор: То есть исполнительная власть и "Единая Россия" – это одно и то же?

Респ. 1: Да.

Модератор: Всё, что делает исполнительная власть, это делает "Единая Россия", так услышала?

Респ. 1: Да.

Респ. 3: Конечно».

Отождествление «партии власти» с государственной властью оказывается не просто возможным, но и естественным во многом потому, что собственно политические функции партий, несводимые к управленческим задачам, российских граждан, как правило, совершенно не интересуют, а любая деятельность, связанная с этими функциями, априори квалифицируется как «словоблудие». Последнее, конечно, частично объясняется высоким удельным весом ритуально-имитационной составляющей в деятельности российских партий – но только частично. Определенную роль играет, отметим, и память о советской однопартийности: по материалам групповых дискуссий хорошо видно, что представители старшего поколения особенно легко, автоматически ставят знак равенства между государственной властью и «Единой Россией».

В результате возникает двойственная, противоречивая оптика восприятия российских партий. С одной стороны, все они уже по факту пребывания в «политике» идентифицируются как причастные к власти, и потому обязанные «делать дело»: непосредственно участвовать в решении тех или иных социально-экономических проблем, в той или иной мере беря на себя, по существу, функции исполнительной власти. С другой стороны, возможность политической (репутационной и электоральной) капитализации результатов реальной деятельности реальных структур исполнительной власти монополизирована одной партией, и эта монополизация, как мы видели, в значительной мере санкционирована массовым сознанием.

Эта двойственность особенно отчетливо проявляется, естественно, в ходе выборов и обеспечивает большую электоральную фору «Единой России». В рамках «идеального» патерналистского дискурса выборы являются прежде всего ритуалом легитимации опекающей власти, но одновременно – конкурсом благодетелей: опекаемые, недовольные результатами деятельности «партии власти» (а фактически – самой государственной власти), могут выразить это недовольство, проголосовав за ту силу, которая сумеет «делом» (т.е. овеществленной заботой, распределением каких-либо благ или предоставлением услуг) продемонстрировать, что

способна успешно заменить ее в этом амплуа. Но несопоставимость ресурсов практически нейтрализует эту электоральную опцию, делает ее применение крайне маловероятным.

Разумеется, в реальности спектр электоральных мотиваций и само электоральное поведение «среднего россиянина» далеко не полностью определяются патерналистскими презумпциями. Однако в интерпретации деятельности партий эта схема – особенно в предвыборный период – играет ключевую роль. Показательно, что участники групповых дискуссий, говоря о присутствии оппозиционных партий на локальном уровне, фокусировались практически исключительно на том, оказывают ли они непосредственную, прямую помощь, покровительство жителям; никакие иные аспекты их функционирования упоминаний не удостоились. Впрочем, определенные заслуги участники различных ДФГ заметили лишь у одной оппозиционной партии – «Справедливой России»:

«”Справедливая Россия” себя великолепно проявляет. Каждый раз перед выборами выпускают не столько календарики, сколько мини-буклетик, с одной стороны… <безуспешно пытается вспомнить фамилии кандидатов>*… Но с обратной стороны великолепно подобраны все свежие телефоны всех экстренных служб Саратова, причем со службами администрации по районам, куда звонить в случае экстренной непредвиденной ситуации, просто наябедничать. И в общем-то, этот свод законов лежит в ящике на кухне вот так вот, в шаговой доступности… То есть этот буклетик очень удобный…»*

Тут особенно любопытно, что акция «эсеров», произведшая столь благоприятное впечатление на процитированную респондентку, преподавательницу колледжа, по сути эксплуатирует ту самую интерпретационную схему, о которой мы только что говорили: публикуя и распространяя справочный материал о муниципальных службах, партия тем самым как бы встраивается, вклинивается в отношения между властью и гражданами: она позиционирует себя как актора, причастного миру власти и вместе с тем озабоченного оперативностью и эффективностью коммуникаций граждан с представителями этого мира, обязанными по долгу службы не просто помогать горожанам, но выручать их в экстремальных ситуациях.

«Справедливая Россия» на местном уровне у нас – <ФИО>. Он такой человек – на виду всегда. Он спортсмен, возглавляет,

как говорится, секции детей, которые привлекает для мероприятий, выезда на соревнования, вкладывает свои деньги в это развитие, пауэрлифтингом занимается… То есть это человек, который реально что-то для города делает. Спортзалы свои имеет, сам содержит все, детей привлекает. ЛДПР тут только у нас казачьи песни и блины».

Здесь мы сталкиваемся с политической капитализацией «эсерами» плодов частной благотворительности, которая, при всей несхожести ситуаций, в известном смысле созвучна практике «Единой России», капитализирующей результаты деятельности государственных структур: в обоих случаях потенциальные избиратели, взвешивая достоинства конкурирующих «политических акторов», ориентируются на объем и характер благ, получаемых их земляками из разных источников, но от имени этих акторов. Возвращаясь к процитированной реплике, стоит отметить, что ЛДПР, предпочитающая, по наблюдениям респондента, завоевывать популярность не столько «хлебом», сколько «зрелищами», в его глазах явно проигрывает.

Страх перед политическими переменами

Одним из следствий политической некомпетентности большинства россиян (повторим – ценностно детерминированной некомпетентности), а также, в особенности, склонности к отождествлению «партии власти» с государственной властью, является страх перед политическими переменами, и это еще один фактор, препятствующий формированию такого массового «зрителя», без которого конституирование политического поля невозможно. Предполагая институционализированный конфликт независимых политических акторов, концепт политического поля тем самым априори допускает и институционализированную сменяемость власти, которая регламентируется общепризнанными «правилами игры». Между тем в российском массовом сознании перспектива смены власти ассоциируется с потрясениями и полным разрывом преемственности. Многие респонденты, намеренные поддерживать на выборах «Единую Россию», уверенно объясняют свою позицию тем, что они не хотят коренной ломки.

«Я выбрала “Единую Россию”, я считаю, уже революций на мою жизнь хватит, и я остаюсь за “Единую Россию”».

«Правильно говорят более старшие товарищи, потому что революций действительно, наверное, хватит».

«…это все опять придется как-то перестраивать, все переделывать там и так далее. Я просто не хочу вот этого всего».

«…это опять снова все начинать с нуля – это опять новые проблемы, и, наверно, здесь… ну, может быть, даже некий страх, что все вот то, что есть стабильность некоторая, она разрушится».

Стоит отметить, что лишь первая из этих реплик принадлежит пожилой женщине. Остальные – молодым людям (24–26 лет), имеющим высшее образование (учитель, аспирант, экономист). Все они не интересуются «политикой» и почти ничего не знают о политических акторах, в чем охотно признаются по ходу дискуссий, но априори убеждены, что переход рычагов власти в другие руки неизбежно обернулся бы полным разрывом преемственности, «революцией». Такое представление, парадоксальным образом сочетающееся, напомним, с восприятием всех «политических старожилов», независимо от их позиционирования, как причастных к миру власти и несущих свои доли ответственности за происходящее в стране, распространено очень широко – причем не только в среде сторонников «партии власти», но и среди ее критиков. Эта презумпция несовместима с самой идеей институционализации политического диалога и конфликта.

«Грязное дело» политики

Выше мы говорили, что «зритель», необходимый для конституирования политического поля, должен понимать и принимать, признавать принципиально справедливыми «правила игры» на этом поле. Но у большинства российских граждан глубокая некомпетентность в этой сфере дополняется уверенностью в том, что политика – дело изначально и необратимо «грязное», а кроме того – если не полностью локализованное во властном пространстве, то, во всяком случае, нужное, значимое только для этого пространства и почти не касающееся интересов «простого человека». Не будет большим преувеличением сказать, что для российского массового

сознания «политика» – это некая дисфункция власти: нечто, отвлекающее ее от трудов по отстаиванию государственных интересов и обеспечению нужд населения и вовлекающее в сомнительные игры. Дисфункцией, впрочем, неизбежной, неустранимой и не самой «вредной» – в сравнении, например, с коррупцией, тоже являющейся дисфункцией власти.

Это не значит, впрочем, что люди считают «политику» совсем бесполезной. «Человек с улицы» в принципе признает необходимость определенной конкуренции за властные позиции, борьбы, поддерживающей обладателей власти «в тонусе» и, в частности, вынуждающей ее больше считаться с интересами граждан, а также позволяющей способным людям продвигаться к вершинам власти. В принципе признает он и необходимость конкуренции если не проектов, моделей социального развития, то, во всяком случае, идей, предложений по решению тех или иных конкретных проблем. Однако он склонен приписывать «политике» особые правила игры, связанные с пониманием ее как «грязного дела»: там допустимо и приемлемо то, что не может быть принято в других «местах».

Но если ценностно-нормативные основы политики признаются несовместимыми с «общепринятыми» нормами – хотя, возможно, и функциональными для этой специфической сферы социальной жизни, – то это означает, что потенциальный зритель не может оценивать происходящее в политическом поле своим «аршином». И, разумеется, у него нет ни малейших стимулов осваивать, изучать заведомо аморальные, «грязные» правила политики, чтобы судить акторов сообразно последним. Соответственно, он не может контролировать действия акторов через механизм институциональных и индивидуальных политических репутаций.

Кроме того, восприятие политики как «грязного дела» формирует установку на неучастие в ней. А такая установка уже сама по себе является фактором, препятствующим конституированию политического поля. Дело в том, что сам концепт такого поля предполагает открытость, возможность вовлечения любого гражданина в самые различные политические практики и в самых различных качествах. Поэтому, хотя «зрители» и не являются действующими политическими акторами и осуществляют свои специфические функции, созерцая это поле «извне», статус **потенциальных** акторов оказывается необходимым атрибутом публики «на трибунах». Характерное для большинства россиян прин-

ципиальное и несколько брезгливое неприятие самой возможности участия в таком «грязном деле» как политика ограничивает и их возможности участия в конституировании политического поля в качестве пристрастных наблюдателей.

Наконец, большинству российских граждан совершенно не свойственно и самоощущение «высшей инстанции», контролирующей власть и определяющей исход противоборств в сфере политики. Излишне говорить, насколько такое самоощущение противоречит патерналистским устоям отечественной политической культуры. Массовые опросы неизменно показывают: большинство убеждено, что власть реально не принадлежит гражданам. Причем это касается даже ситуаций электорального выбора.

В спектре мотиваций электорального поведения российских граждан модель интерпретации выборов как события, в котором реализуется принцип народного суверенитета, является хоть и не маргинальной, то отнюдь не доминирующей. Ее можно обнаружить у сравнительно небольшой части потенциальных избирателей, тогда как иные циркулирующие в массовом сознании модели, более органичные для традиционалистской политической культуры – выборы как ритуал (своеобразная присяга на верность власти), как «день открытых дверей», когда можно донести до власти свои пожелания, и т.д. – имеют значительно более широкое распространение.

Причем даже тогда, когда «человек с улицы» испытывает, кажется, потребность в контроле над властью, эта потребность в действительности оказывается обычно «отформатированной» в соответствии с патерналистскими презумпциями. Достаточно яркой иллюстрацией этого тезиса представляется следующий монолог 40-летнего рабочего:

«…все зависит от нас, от людей, от народа, который здесь живет. Дать нам какие-то рычаги власти. В каком плане – чтобы мы могли как-то влиять…. <Казалось бы, мы слышим яркую манифестацию подлинно гражданского сознания> *Вот чтобы у нас был выход, если нас местная власть не устраивает, не на саратовскую, областную власть, а непосредственно уже в Москву был выход. Вот такой. И нам дать тем самым рычаги. Тем же самым репортерам дать, которые ковыряют там заводы и так далее… Нам дать. Например, плохие дороги: сфотографировал – отправил – это идет вниз и наказывается тот человек, который».*

Чрезвычайно показательным для понимания алгоритма интерпретации политики как «чужого» пространства и механизма дистанцирования от нее является еще один сюжет, затронутый на групповых дискуссиях. Речь идет о праймериз, проведенных немногим ранее «Единой Россией» в преддверии выборов 2016 г.

«Респ. 1. Для партии власти, я думаю, такие мероприятия необходимы. Потому что им необходимо какой-то общий срез провести перед выборами, на что они могут рассчитывать, насколько серьезен в их руках административный аппарат. Наверное, для них это очень выгодно и правильно. С моей точки зрения, для народа это бестолковое дело, потому что на это тратится большое количество денег, огромное количество денег. По существу, такие же выборы организовываются, все эти участки организовываются. Смысла великого в этом не вижу. Но, мне кажется, для партии было важно это.

Респ. 2. А я думаю, что и для партии они не важны, потому что кандидаты на выдвижение – они известны. Решение принимается не сторонними наблюдателями, а где-то наверху. Ну, все как всегда».

Обратим внимание: первый участник ДФГ, аспирант, признавая праймериз полезной и даже «необходимой» для партии власти предвыборной репетицией, видит эту пользу не в «тестировании» претендентов на депутатские мандаты («официальная» интерпретация предназначения праймериз) и даже не в досрочном старте предвыборной агитации (в чем «Единую Россию» обвиняли конкуренты и критики). Он прозрачно намекает, что цель данной репетиции – подготовка к использованию властных ресурсов («административного аппарата») в своих интересах во время самих выборов. Впрочем, эта конспирологическая гипотеза излагается явно без особого возмущения: похоже, что респондент воспринимает подобные злоупотребления как должное – поскольку речь идет о таком «грязном деле» как политика. Но никакого смысла для «народа» в праймериз он не видит и огорчается, что эта процедура, нужная, по его мнению, только для партии власти, обходится дорого.

Второй же участник дискуссии (безработный с высшим образованием, 56 лет), не «расслышавший» намека коллеги или с порога отвергший его гипотезу, отрицает смысл праймериз и для самой партии власти, потому что официальная версия об открытой конкуренции претендентов на выдвижение представляется ему

совершенно неправдоподобной. Причем показательно, что избирателей, участвующих в праймериз, он называет «сторонними наблюдателями», отрицая тем самым саму возможность влияния последних на политику. И что означает его последняя реплика «ну, все как всегда» применительно к «премьере» института предварительных выборов, если не убежденность в том, что и на основных, «настоящих» выборах решение принимается не избирателями?

Все участники другой фокус-группы, как выяснилось, принимали участие в праймериз «единороссов» (это не было условием рекрутмента – просто редкое стечение обстоятельств). И все они, без единого исключения, сочли, что проводить их не следовало.

«Респ. 1. Раз его обозначили, этот праймериз, мы, конечно, приняли в нем участие. Но я считаю, что вот это вот… промежуточные выборы… их делать… не надо.

Респ. 2. Это опять же из бюджета какие затраты.

Респ. 1. Это, во-первых, большие расходы, это лишний раз нервируем людей. Не надо это.

Респ. 3. Да, расходы.

Респ. 1. Если она хочет, партия эта, видеть, быть лидером, иметь поддержку от населения, – больше делай, и ты это увидишь».

Все остальные участники группы поддержали это мнение. Помимо довода о расточительности, к которому мы еще вернемся, тут обращает на себя внимание реплика «лишний раз нервируем людей». То есть само по себе электоральное участие граждан трактуется как некий травматичный опыт, который они вынуждены переносить потому, что их к этому понуждает власть. Причем слова «лишний раз» совершенно определенно указывают на то, что, по мнению участницы ДФГ, выборы как таковые тоже людей «нервируют». Чуть позже, проговаривая это уже «открытым текстом», с ней солидаризуется другой участник ДФГ: *«Люди уже устали от выборов. У нас каждый год проводятся – разного уровня. Поэтому правильно* <имя респ. 1> *говорит – не стоит людей тревожить».* Кстати, стоит отметить, что респондентка, поднявшая эту тему, говорит о праймериз, используя словосочетание «нервиру**ем** людей». Это не оговорка и не опечатка: в самом конце фокус-группы она неожиданно признается окружающим, что *«была председателем комиссии на этих праймериз».*

Более всего респонденты, впрочем, говорят о расходах:

«А вы посчитали, во сколько это все встанет? Вы лучше эти деньги потратили бы на народ».

«Агитационный материал какой, на какой бумаге, немалые деньги».

«Агитационный материал, бюллетени, содержание комиссий».

Выслушав еще несколько подобных реплик, модератор дискуссии осторожно осведомляется: *«Но я слышал, что праймериз проводятся как бы не из бюджета, а это партийное финансирование…».* Но этот довод отметается участниками ДФГ как бессмысленный:

«Респ. 1: Ну, все равно…

Респ. 2: Ну а какая разница?

Модератор: Всё равно большие деньги?

Респ. 1: Да…

Модератор: Которые могли бы…

Респ. 1: Да, у нас же есть депутаты, например, которые на сегодняшний день – действующие депутаты, <фамилии депутатов*>, у которых имеются вот эти вот деньги партии там, как депутатов, и которые направляются конкретно на оказание помощи, – индивидуальную, коллективную, всякую… И если бы эти деньги, которые ушли, например, в нашей области, отдать депутатам, то…»*

Как видим, люди решительно отказываются как-либо разграничивать государственный (либо муниципальный) бюджет и бюджет партийный. Причем дело явно не в том, что они подозревают партию власти в каких-то финансовых злоупотреблениях: полностью отождествляя ее с государственной властью, они просто не придают никакого значения тому, из какого кармана властного моносубъекта извлекаются деньги. Их волнует лишь неправильное, нерачительное расходование этих средств. И та же самая респондентка, сотрудница администрации муниципального образования и председатель комиссии на праймериз, которая ранее по ходу дискуссии говорила, что для получения поддержки от населения надо не праймериз проводить, «нервируя» людей, а «делать больше» (см. выше), теперь расшифровывает свое понимание того, какими именно могут быть эти дела: нужно направлять партийные деньги непосредственно на помощь людям. Впрочем, едва ли разграничение партийного и государственного бюджета для нее

принципиально: ведь это именно она ответила на возражение модератора относительно небюджетного происхождения средств на партийные праймериз: «Ну, все равно».

Единодушие участников этой ДФГ, проголосовавших на праймериз «партии власти», т.е. принявших участие в процедуре, номинально предназначенной для более тонкой настройки партийного курса и кадровой политики в соответствии с запросами граждан и фактически обладающей определенным, пусть и довольно ограниченным, потенциалом расширения гражданского участия в политике, но считающих, вместе с тем, эту процедуру ненужной, априори бессмысленной для рядовых граждан, а также убежденных, что раздача «сэкономленных» средств нуждающимся наилучшим образом продемонстрировала бы достоинства «партии власти» в предвыборный период, на наш взгляд, чрезвычайно ярко иллюстрирует степень предрасположенности российских граждан к эволюционной трансформации в пристрастных и компетентных «зрителей», способных уже самим своим присутствием на «трибунах» содействовать конституированию политического поля.

Однако… Сравнительно недавно, на рубеже 1980–1990-х годов, определенные симптомы формирования массового зрителя, необходимого для конституирования такого поля, можно было наблюдать невооруженным глазом. Интерес к политике именно как к конкуренции проектов и олицетворяющих их политических акторов, осведомленность и ангажированность, восприимчивость к идеологическим размежеваниям, определенное внимание и, по крайней мере, более или менее серьезное отношение к «правилам игры» (об их освоении и легитимации говорить не приходится – сами эти правила переживали хаотическую трансформацию), а также зарождение коллективного самоощущения «высшей инстанции» – все эти атрибуты искомого «зрителя», вопреки самым фундаментальным презумпциям отечественной политической культуры, на какое-то время получили довольно широкое распространение. «Это было при нас, это с нами вошло в поговорку». И хотя тенденция оказалась поверхностной, неустойчивой и обратимой, хотя уже к середине 1990-х годов в массовом сознании явно возобладал противоположный тренд, во многом способствовавший регенерации «зоны власти», этот исторический опыт предостерегает против слишком категоричных заключений относительно перспектив конституирования политического поля.